

УДК 93 И 32

**НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ В ПОЛИСАХ АХЕЙСКОГО СОЮЗА
В III – II ВВ. ДО Н.Э.**

© 2019 г.

С.К. Сизов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

Sergey_Sizov@yahoo.com

Поступила в редакцию 01.03.2019

Отрывочные сведения, содержащиеся главным образом в эпиграфических документах, убедительно доказывают, что верховным органом власти в полисах Ахейского союза продолжало, как и в классический период, оставаться народное собрание. В его компетенцию входило решение всех важнейших вопросов внутренней жизни общины, на собраниях обсуждались и внешнеполитические вопросы. Нет оснований считать, подобно некоторым исследователям, что участие рядовых граждан в собрании ограничивалось имущественным цензом и что демократические процедуры принятия решений были искажены в угоду зажиточной элите.

Ключевые слова: полис, Ахейский союз, народное собрание, эпиграфика, Пелопоннес, эллинизм.

В научной литературе широко распространена точка зрения, согласно которой власть в Ахейском союзе принадлежала узкому кругу зажиточной элиты, в то время как политическая роль рядовых граждан была незначительной¹. Это суждение главным образом относится к политическому режиму, который определял деятельность федеральных органов власти, и в этом смысле может быть признано правомерным, поскольку подтверждается красноречивыми данными источников (Polyb. X. 22. 9; XXXVIII. 12. 5; Plut. Philop. 7. 4), а также просопографическими данными [11, р. 33–42]. Однако следует ли автоматически распространять эту характеристику и на тот политический режим, который существовал в отдельных полисах федерации²? Те сведения, которые сохранились в источниках, преимущественно эпиграфических, могут привести к совершенно иному заключению. Прежде всего речь идет о принципе верховенства народного собрания, который не характерен для аристократического или олигархического строя и который, по всей видимости, строго соблюдался в управлении отдельными гражданскими общинами Ахейского союза. Все дошедшие до нас надписи, содержащие текст постановлений по вопросам внутренней жизни ахейских полисов, изданы либо «демосом» (δῆμος)³, либо «городом» (πόλις)⁴, т.е. сообществом граждан, присутствовавших на городском народном собрании. Принадлежность всех этих документов к ахейскому периоду истории того или иного из пелопоннесских полисов не вызывает сомнений: часть из них принадлежит к сериям надписей, которые точно датируются (SEG XII. 371: 242 г. до н.э.; Magnesia 38, 40, 41: 208–206 гг. до н.э.), другие

надписи используют для датировки имена ахейских союзных эпонимов (IG IV² 1. 60; VII. 223) или ссылаются на сам Ахейский союз как высшую инстанцию (SEG XVI. 255; LVIII. 370). В трех постановлениях содержатся упоминания об исторических событиях того времени, когда соответствующие полисы входили в федерацию ахейцев: вторжение этолийцев в Западную Ахайю в 219/8 г. до н.э. – Syll³. 529 [см. по этому поводу: 13, р. 295; 14, р. 536; 15, р. 200; 16, р. 52–53]; смерть Филопемена в 182 г. до н.э. – Syll³. 624; война на Крите, длившаяся с 204 по 184 г. до н.э. (IG IV. 756). Декреты Орхомена (Plassart, Blum 1914, 457–458, no. II, 3) и Лусов (IG V 2. 394) должны относиться к началу II в. до н.э. согласно надежным просопографическим данным [17, S. 73; 18, р. 458]. Надпись IG IV. 679 повествует о возобновлении дружеских отношений между Гермियोной и Азиной, общинами дриопского корня, что стало возможным лишь после того, как Азина в конце III в. до н.э. отделилась от Мессении, присоединилась к Ахейскому союзу (Polyb. XVIII. 42. 7) и стала самостоятельной гражданской общиной (πόλις; IG IV. 679, сткк. 12–13), а не мессенским поселком [см.: 19, р. 42]. Почетный декрет Мегар IG VII. 15 был издан в честь наместника Эгины, назначенного Эвменом II. В течение почти всего периода царствования этого пергамского монарха (197–159 гг. до н.э.) Мегары участвовали в Ахейском союзе, вернувшись в его состав в 192 г. после нескольких десятилетий пребывания в Беотийской федерации (Polyb. XX. 6. 9). Датировка надписи кратким промежутком времени между 197 и 192 г. до н.э. может быть исключена ввиду того, что в документе отсутствуют названия городских ин-

ституты и должностей беотийского типа, которые обязательно наличествуют в декретах полисов небеотийского происхождения, временно входивших в эту федерацию [13, р. 198–199; 20, р. 426–427]. Постановление Димы Syll³. 530 почти точно относится ко второй половине III в. до н.э., а не к началу этого столетия, когда Ахейский союз еще не был воссоздан; на этот счет были высказаны весьма убедительные соображения, опирающиеся на данные палеографии и нумизматики [21, р. 87; 22, S. 179–180; 16, р. 43]. Таким образом, датировки надписей, подтверждающих верховенство народного собрания в полисах Пелопоннеса именно в то время, когда они входили в Ахейский союз, являются достаточно надежными.

Как обычно в греческой эпиграфике, большинство сохранившихся постановлений народных собраний полисов посвящено дарованию почестей тому или иному лицу (SEG. XVI. 255; IG IV. 756; IV² 1. 60; V 2. 394; VII 15; 223; Plassart-Blum 1914, 157–158, No. II, 3), что само по себе еще не демонстрирует роли этого органа в политической жизни города. Тем не менее среди городских постановлений имеется и ряд таких, которые позволяют оценить значение народного собрания как верховного органа власти. Только собрание граждан было правомочно признать неприкосновенность святилища и панэллинский статус вновь учреждаемого религиозного праздника (Эгира: SEG XII 371; Мегалополис, Аргос, Сикион: IMagnesia 38, 40, 41), что в представлении греков было весьма важным актом, имеющим как религиозное, так и политическое значение. Именно народное собрание выслушивало просьбы послов, прибывших из другого города, и принимало решение предоставить всем гражданам этого города искомые привилегии (Гермиона: IG IV. 679). Пополнение гражданских коллективов лицами, не имевшими гражданских прав, т.е. дело, чрезвычайно важное для любого полиса, также было прерогативой народного собрания. Город Дима, видимо, в 219/8 г. до н.э. даровал гражданство пятидесяти двум иноземцам, вероятно, местным метекам или наемникам, которые участвовали в обороне города; решение по каждой кандидатуре принималось «полисом» отдельно (Syll³. 529). Еще две надписи – одна из той же Димы, а другая из Тритеи – содержат в себе правила предоставления гражданских прав проживающим в этих городах Ахайи иноземцам за деньги (Rizakis 2008, nos. 3; 94). Те части обоих документов, где упоминался орган, утвердивший эти правила, утрачены, но можно не сомневаться, что речь идет о законах, принятых народным собранием. В Тритее порядок натурализации

был таков, что вначале кандидат проходил проверку (δοκιμασία), а затем представлялся перед народным собранием «на следующем же его заседании в полном составе» (no. 94, сткк. 5–6: ἐν τῇ πρώτῃ τελείᾳ [ἢ ἐκκλησίᾳ]) для принятия окончательного решения. Процедура, установленная в Диме, почти неизвестна из-за фрагментированного характера надписи, но могла быть вполне идентичной⁵. Разрешение споров о границе с соседними общинами также происходило под контролем и при деятельном участии всеобщего собрания граждан (см. мессенскую псефисму SEG LVIII. 370). Иногда народное собрание выступало в качестве высшей судебной инстанции по делам о преступлениях против государства. Так, в Диме πόλις приговорил группу фальшивомонетчиков к смертной казни (Syll³. 530). Все эти свидетельства доказывают, что ни один из наиболее важных вопросов внутренней жизни ахейских полисов не разрешался окончательным образом без созыва народного собрания, как, собственно, и было принято в других греческих гражданских общинах эллинистического периода [24, р. 213; 25, р. 531–536; 26, р. 56–59].

Ахейские города, впрочем, отличались от независимых полисов того времени тем, что не имели права вести самостоятельную внешнюю политику: объявлять и вести войны, заключать военно-политические союзы и мирные договоры. Это было привилегией федеральных органов власти, что, однако, не исключало для полисов возможности поддержания контактов и заключения договоренностей с иностранными государствами по экономическим и религиозно-культурным вопросам. В то же время федерация не запрещала, да и не могла запретить, гражданам своих городов собираться для обсуждения актуальных внешнеполитических вопросов и выработки той позиции, которую должна была отстаивать на союзной ассамблее делегация того или иного полиса. Судя по рассказу Ливия, который основан на утраченной ныне части полибиевой «Истории», о событиях, предшествовавших решению ахейцев разорвать союз с Македонией и перейти на сторону Рима (198 г. до н.э.), этот вопрос еще до созыва союзного собрания поднимался на совещаниях в каждом городе, но оказался настолько сложным и поистине судьбоносным, что ахейцы пришли в полное замешательство, и никто не решался высказать определенное мнение «ни в сенате своего города, ни на общих союзных собраниях: quid in senatu quisque civitatis suae aut in communibus conciliis gentis pro sententia dicerent» (Liv. XXXII. 19. 9). На внеочередном союзном собрании в Сикионе, которое было созвано по этому

поводу, никто не осмеливался взять слово, пока не выступил стратег – глава федерации с предложением заключить союз с Римом. После этого «не только отдельные лица, но и целые общины вступили между собой в пререкания» (Liv. XXXII. 22. 2), и лишь когда обозначился перелом общественного мнения в пользу союза с Римом, это решение было принято, но еще до голосования делегации Димы, Мегалополя и (частично) Аргоса покинули заседание (Liv. XXXII. 22. 9). Эта история показывает, что в обычной ситуации, когда речь не шла о решении столь исключительной важности, внешнеполитические вопросы вполне могли подвергаться предварительному обсуждению в полисах федерации, и вполне вероятно, что делегация каждого города отправлялась на союзное собрание с определенным наказом от своих сограждан⁶.

Если воспринимать первую из процитированных фраз Ливия дословно, то можно считать, что эти обсуждения проводились и рекомендации представителям полиса, отправлявшимся на союзное собрание, давались на заседаниях городских советов (*in senatu civitatis*), а не на народных собраниях. К такому выводу пришел, в частности, А. Эймар, который подкрепил слова Ливия следующими суждениями: общий аристократический характер ахейских политических институтов вполне логично проявлялся и в том, что не только в федеральных органах власти, но и на местном уровне щекотливые внешнеполитические проблемы представителям элиты удобнее было обсуждать в своем узком кругу, отгородившись стенами булевтерия от беспокойной и переменчивой в своих мнениях толпы рядовых граждан [4, р. 325–330]. Такое мнение, а также вытекающий из него вывод об ограниченности компетенции народных собраний, вызывают серьезные сомнения. Во-первых, этот вывод противоречит всем приведенным выше данным о том, что именно народное собрание, а не совет обладало верховной властью в любом ахейском полисе, и невозможно объяснить, почему эта верховная власть переставала признаваться, когда речь заходила о вопросах внешней политики. Во-вторых, нет оснований утверждать, что городские советы в общинах Ахейского союза состояли сплошь из представителей местной аристократии; как будет видно из дальнейшего изложения, отождествление социального состава федеральных и местных органов власти – всего лишь бездоказательное предположение. В-третьих, разбираемая здесь фраза Ливия вполне может являться одним из примеров того, как римский историк, пользуясь греческим тек-

стом Полибия, неверно понял один из терминов⁷. Слово *senatus*, по всей вероятности, представляет собой традиционный у латинских авторов перевод греческого существительного βουλή. Однако в лексиконе Полибия это слово используется необычно: оно фактически ни разу не употребляется в своем обычном государственно-правовом значении («полисный совет»), зато неоднократно обозначает народное собрание [29, с. 109–111]. В-четвертых, даже если Ливий верно передает смысл слов первоисточника и вопрос о переходе на сторону римлян действительно обсуждался только в городских советах, то это можно было бы объяснить чрезвычайным характером ситуации: речь шла о самой судьбе Ахейского союза и городов Пелопоннеса, никто не желал взять на себя даже малую долю ответственности за решение, которое могло иметь губительные последствия, а заодно (если бы победила промакедонская партия) навлечь на себя клеймо изменника, и поэтому обсуждения в городских советах заканчивались ничем, а при отсутствии рекомендации совета (τροβούλευμα), по греческой традиции, выносить вопрос на рассмотрение народа было нельзя.

Наконец, этому свидетельству Ливия в его буквальном истолковании противостоят другие данные, которые недвусмысленно подтверждают, что внешнеполитические дела обсуждались на собраниях народа. В начале Третьей римско-македонской войны отправленные из Рима послы, имевшие задачей предотвратить поддержку царя Персея в греческих государствах, объехали многие города Пелопоннеса, и в каждом из них выступали перед *contiones*, т.е. народными сходками (Liv. XLII. 37. 7). Зимой 147/6 г. до н.э. федеральный стратег Критолай, вставший на путь подготовки к войне со Спартой, что влекло за собой и конфликт с Римом, отправился в вояж по городам Пелопоннеса с целью убедить ахейцев в правильности избранной им рискованной политики. По словам Полибия (XXXVIII. 11. 7), он, посещая города, созывал в них народные собрания («ἐπιτορευόμενος κατὰ τὸν χειμῶνα τὰς πόλεις ἐκκλησίας συνήγε»). Ахейский историк называет такое поведение Критолая «демагогией» (XXXVIII. 11. 11), но при этом имеет в виду само содержание речей стратега, а отнюдь не тот факт, что он выступал перед народными собраниями, а не местной элитой. Через несколько месяцев Дизей, преемник Критолая на посту стратега, приказал ахейским полисам устроить чрезвычайный сбор средств на военные цели, преимущественно за счет состоятельных граждан, а также частных организаций (Polyb. XXXVIII. 15. 6). Реагируя

на это требование, город Трезен издал постановление о том, чтобы все фисы и другие организации и общины, состоящие из местных граждан, передали свою казну в распоряжение города на укрепление стен и подготовку к войне (IG IV. 757). Это решение было принято традиционным образом: вначале городской совет (βουλή) поддержал данное предложение (стк. А 10), а затем окончательное решение было утверждено народным собранием в форме «народного постановления» (τὸ ψάφισμα τοῦ δήμου: сткк. В 3; 5). Этот последний документ не только в очередной раз демонстрирует верховенство народного собрания, в т.ч. в военной и финансовой сферах, но и подтверждает высказанное выше мнение, согласно которому даже те вопросы, которые относились к федеральной компетенции (война и подготовка к ней), могли обсуждаться на городских народных собраниях как до принятия решения федеральными органами власти, так и после (в последнем случае речь шла о мерах во исполнение этих решений).

Разумеется, если курс внешней политики Ахейского союза был уже определен на федеральном уровне, народное собрание отдельного полиса не могло осудить или отвергнуть его своим решением, однако иногда граждане города, недовольного союзной политикой, находили способ так или иначе выразить свое отношение к ней в ходе народного собрания. Показателен в этом смысле случай, произошедший в Аргосе в 198 г. до н.э., когда ахейско-македонский союз был уже разорван, но большинство участников местного народного собрания, настроенное по-прежнему в пользу Македонии, криками и ропотом все-таки заставило глашатая произнести имя Филиппа V в традиционно оглашаемом списке покровителей города (Liv. XXXII. 25. 1–4).

1. Деятельность народных собраний в городах Ахейского союза не была регламентирована каким-то единым стандартом, в ряде отношений продолжали сохраняться старые местные традиции. Даже само название этого органа могло быть различным: скажем, в Эпидавре собрание называлось не ἐκκλησία, а ἀλίαία (IG IV² 1. 60, стк. 4). По-разному именовались и постановления, принятые демосом: δόγμα (Гермиона: IG IV. 679, сткк. 25, 28), ψάφισμα (Мессения: SEG LVIII. 370, стк. 101; Трезен: IG IV. 757, сткк. В 3; 5); δόκημα (Аргос: SEG XVI. 255). Предварительная подготовка народных решений могла подчиняться разным процедурным правилам, однако степень этих различий не следует преувеличивать. В одних декретах упоминается имя человека, который внес данное предложение, с использованием стереотипной формулировки «πρόθοδον ποιησαμένου τοῦ δεῖνος» (Трезен: IG IV.

756, сткк. 4–5; Спарта: IG V 1. 4, сткк. 1–2; 5, сткк. 1–2), в других же, причем в большинстве случаев, лицо, проявившее инициативу, не называется. Это последнее обстоятельство, впрочем, вовсе не означает, что рядовые граждане в том или ином городе были лишены права вносить проекты народных постановлений; скорее речь идет о разных правилах составления текста декретов⁸. Кому бы ни принадлежало авторство проекта, он проходил двойное или тройное предварительное обсуждение. В некоторых постановлениях вместо более распространенной формулировки «постановил народ» (или «постановил полис») резолютивная часть начинается словами: «постановили совет и народ» (Мегары: IG VII. 15, Эгосфены: IG VII. 223, Трезен: IG IV. 757, стк. А 10). Это хорошо известное в греческой эпиграфике выражение означает, что решение предварительно было обсуждено в городском совете, который предложил народу свою рекомендацию (προβούλευμα). Отсутствие упоминаний о совете в большинстве сохранившихся постановлений народного собрания в полисах ахейского Пелопоннеса, однако, отнюдь не свидетельствует о том, что во многих полисах совет не выполнял традиционные для него пробулевтические функции: скорее всего, во многих случаях предпочтение просто отдавалось более сжатой формулировке⁹. В ряде городов в предварительном обсуждении декретов также принимал участие орган под названием συναρχία («объединенные власти»), который представлял собой совместное заседание всех или наиболее влиятельных коллегий должностных лиц полиса. Обычай время от времени созывать такие объединенные заседания разных магистратов укоренился в городах Пелопоннеса как раз во времена расцвета Ахейского союза; возможно, это произошло под влиянием порядков, установившихся в деятельности федерального правительства [30]. Несколько известных нам народных постановлений получили предварительное одобрение не только совета, но и συναρχία (Мегары: IG VII. 15, сткк. 1–2; Эгосфены: IG VII. 223, сткк. 3–5). В декретах Трезена (IG IV. 756) и Спарты (IG V 1. 4), если понимать их буквально, отражена следующая процедура: предложение вначале рассматривают «объединенные власти», а затем дают свою рекомендацию непосредственно народному собранию, минуя совет, однако, как уже упоминалось, подобные сокращенные формулировки могли не отражать реальную последовательность прохождения решений, тем более что в другом постановлении из Трезена пробулевтическая деятельность совета документально зафиксирована (IG IV. 757, стк. А 10). Надо полагать, что во всех четырех декретах, где в роли пробулевтического органа

выступают *συναρχία*, отражена одинаковая процедура «тройного контроля»: вначале предложение поступает на рассмотрение «объединенных властей», затем изучается в совете и лишь вместе с рекомендациями этих органов выносится на обсуждение в народном собрании.

2. Таковы отрывочные сведения о деятельности народных собраний в городах Ахейского союза, почерпнутые преимущественно из эпиграфических источников. Они достаточно надежно подтверждают тезис о сохранении верховенства этого органа в политической жизни пелопоннесских полисов в эпоху эллинизма, по крайней мере до римского завоевания, и о живучести многих традиций классического периода, связанных с принятием важных для того или иного полиса решений. К сожалению, сохранившиеся данные источников не дают прямого ответа на некоторые достаточно принципиальные вопросы. С одной стороны, нет безоговорочных доказательств тому, что в народных собраниях имели право участвовать все взрослые граждане-мужчины, достигшие установленного законом возраста, а не только те, кто владел имуществом, отвечавшим требованиям некоего ценза. Тем не менее в научной литературе данное мнение практически не встречает возражений¹⁰. В официальных документах политический режим, существовавший в Ахейском союзе, именовался «демократией» (*Ιουμπρία* 46, сткк. 17–18), неоднократно упоминает о демократическом характере ахейского политического устройства историк Полибий (II. 38. 6; II, 41, 5–6; 44, 6; IV, 1, 5; XXIII, 12, 8), да и формулировка ряда городских декретов «постановил демос» плохо согласуется с представлением о цензовом отборе участников собраний. Наиболее весомым, хотя и косвенным аргументом в этом отношении, является свидетельство Павсания (VII. 16. 9) о реформе, произведенной римским военачальником Муммием в городах Пелопоннеса после разгрома Ахейского союза в 146 г. до н.э.: «Муммий упразднил демократии и поставил власти, отобранные по имущественному цензу (*ὁ Μόμμιος <...> δημοκρατίας μὲν κατέλαβε, καθίστα δὲ ἀπὸ τιμημάτων τὰς ἀρχάς*)». Введение цензовых ограничений римлянами, таким образом, явилось для пелопоннессцев новшеством, которое, по словам Павсания, повлекло за собой конец демократии. Отсюда должно следовать, что в ахейские времена ни цензового строя, ни соответствующих ограничений состава участников народных собраний не существовало.

С другой стороны, ни надписи, ни нарративные источники не дают нам четкого представления о реальном политическом влиянии тех или иных социальных сил в полисах ахейского

Пелопоннеса. Как уже упоминалось, имеются вполне убедительные доказательства тому, что в федеральных органах власти Ахейского союза решающую роль играли представители зажиточной элиты, однако это вовсе не означает, что и в отдельных городах федерации влияние богатой верхушки было настолько велико, что народ на собраниях лишь послушно «штамповал», по выражению Г. Шипли [12, р. 59], те решения, которые были приняты в узком кругу местных магнатов. Здесь следует принять во внимание то обстоятельство, что союзные ассамблеи, где заседали преимущественно имущие граждане, были почти недоступны для посещения их людьми скромного достатка в силу чисто географических причин: отправляться четыре раза в год на заседание, проводимое далеко от родного города, иногда на другом краю Пелопоннеса, и каждый раз тратить на это путешествие вместе с самим заседанием немалое время (для большинства оно составляло не менее недели) могли позволить себе люди, не особо стесненные в средствах и не отягощенные необходимостью повседневного напряженного труда в собственном хозяйстве. Совершенно иные возможности имелись у небогатых граждан в собственном полисе, где посещение народных собраний не требовало ни далеких путешествий, ни длительного отрыва от своих обычных занятий. Если не подвергать сомнению утверждение Полибия (II, 38, 6; 42, 3) о существующей у ахейцев полной и равной для всех свободе слова (*ἰσηγορία καὶ παρρησία*), то можно предположить, что рядовые граждане, которые были редкими посетителями союзных ассамблей, все же имели реальную возможность своими выступлениями и голосованием на вполне доступных для них народных собраниях в их собственных городах оказывать влияние на формирование местной, а иногда и федеральной политики¹¹.

Примечания

1. См., в частности: 1, с. 214–215, 226–228; 2, с. ССXXXII – ССXXXVIII; 3, р. 216, 262; 4, р. 335–336; 5, S. 284–288; 6, р. 232; 7, р. 85–93; 8, р. 157; 9, S. 34–36; 10, S. 215–217.

2. Так делает, например, Г. Шипли [12, р. 59], который также ссылается на глубоко укоренившиеся в Пелопоннесе олигархические традиции. По его мнению, и в ахейский период богатые граждане имели в своих городах чрезмерно большое политическое влияние.

3. ἔδοξε τῷ δήμῳ: *IMagnesia* 40, SEG XVI. 255 (Аргос); δεδόχθαι τῷ δήμῳ: SEG LVIII. 370 (Мессения), *IMagnesia* 41 (Сикион); [δεδόχθαι τῷ [βουλαὶ καὶ] τῷ δήμῳ: IG VII. 223 (Эгосфены); δεδόχθαι ταῖς συναρχίαις καὶ τῷ δήμῳ: IG IV. 756 (Трезен);

συναρχία προεβουλεύσαντο ποτί τε τοὺς αἰσιμνάτα[ς καὶ τὰν] βουλὰν καὶ τὸν δᾶμον: IG VII. 15 (Мегары).

4. ἔδοξε τᾶ[ι] πόλει: IG IV. 679 (Гермиона), Syll³. 624 (Мегалополь), Plassart, Blum 1914, 457–458, no. II, 3 (Orchomenos), SEG XII. 371 (Эгира), IG IV² 1. 60 (Эпидавр); ἔδοξε τοῖς π[ο]λεῖταις: IG V 2. 394 (Лусы). Декреты без полной резолютивной формулы, упоминающие «πόλις» в качестве постановляющей инстанции: Syll³. 529, 530 (Дима), IMagnesia 38 = Syll³. 559 (Мегалополь).

5. Обе надписи бесспорно относятся ко времени участия данных полисов в Ахейской федерации: документ из Димы датирован именем ахейского федерального секретаря, а надпись из Тритеи и по содержанию, и по другим признакам должна относиться к тому же времени. О датировке и толковании текста обеих надписей см. специальную работу А. Ридзакиса [23, p. 109–134].

6. Союзное собрание ахейцев состояло, по всей видимости, из делегаций всех полисов, пропорциональных по численности величине каждого из них [27, 63–84].

7. Комментатор Ливия Дж. Брискоу также считает, что в данном пассаже римский историк неправильно понял и искажил текст первоисточника [28, p. 203].

8. Доказательством может служить сравнение мегарских народных постановлений разного времени: в период принадлежности этого города к Беотийскому союзу имя инициатора решения называется, что вообще характерно для беотийской эпиграфики, а в периоды участия Мегар в Ахейской федерации оно не упоминается. Это следует считать одним из проявлений сильного беотийского влияния, которое сказывалось на стиле и формулировках постановлений, издаваемых городами, временно оказавшимися в составе этой федерации [20, p. 423], а не следствием изменения порядка народных решений в Мегарах.

9. В этом отношении характерным примером является серия декретов из аркадского Орхомена, которые издавались на протяжении ряда десятилетий в III – начале II в. до н.э. Иногда формулировка решения гласит: «постановили совет и полис» (ἔδοξε τᾶ βουλᾷ καὶ τᾶ πόλι: Plassart-Blum 1914, 462–464, 469–470, nos. II, 6, 7, 11), иногда просто – «постановил полис» (ἔδοξε τᾶ πόλι: 451, no. II, 1; 457–458, no. II, 3). Выводить отсюда какие-то изменения политической организации города было бы довольно опрометчиво.

10. Редким исключением явилось предположение, высказанное Дж. Ларсеном [6, p. 232, n. 3], который, рассматривая утверждение Полибия, согласно которому ахейцы могли собрать армию в 30–40 тысяч человек (Polyb., XXIX, 24, 8), приходит к выводу, что эта цифра слишком мала для оценки численности всенародного ополчения всех городов Пелопоннеса и отражает скорее количество граждан, имеющих гоэлитский ценз. Соответственно, только они и были наделены полными политическими правами. Эта гипотеза не была поддержана исследователями, поскольку невозможно доказать наличие прямой связи между возможностью призвать на военную службу определенное количество людей и ограничением политических прав остальных граждан. См. по этому

поводу убедительные критические доводы в работе Ф. Уолбэнка [31, p. 401]. Г. Шипли, цитируя утверждение выдающегося исследователя греческих государственных документов П. Роудса относительно того, что в народных собраниях полисов эллинистического времени принимали участие все граждане независимо от ценза [25, p. 533], выражает некоторый скепсис, но не может выдвинуть никаких аргументов против этого мнения, которое безоговорочно господствует в научной литературе [12, p. 59].

11. Как уже говорилось, вопросы федерального значения, касающиеся прежде всего внешней политики, также могли обсуждаться на собраниях демоса в городах союза, и направлявшаяся на союзную ассамблею делегация каждого полиса, каков бы ни был ее социальный состав, не могла совершенно игнорировать настроение народных масс в своей родной общине.

Сокращения

- IG – Inscriptiones Graecae. Berolini.
 IMagnesia – O. Kern. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900.
 IOlympia – W. Dittenberger, K. Purgold. Olympia: Die Ergebnisse der Ausgrabung V: Die Inschriften. Berlin, 1896.
 Plassart-Blum 1914 – Plassart A., Blum G. Orchomène d'Arcadie. Fouilles de 1913. Inscriptions // Bulletin de correspondance hellénique. 1914. V. 38. P. 447–478.
 SEG – Supplementum epigraphicum Graecum.
 Syll.³ – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. V. 1–4. Lipsiae, 1915–1924.

Список литературы

1. Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.
2. Мищенко Ф.Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1. М., 1890. С. I–CCXLIII.
3. Niccolini G. La confederazione Achea. Pavia, 1914.
4. Aymard A. Les assemblées de la confédération achaïenne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux, 1938.
5. Welwei K.-W. Demokratie und Masse bei Polybios // Historia. 1966. Bd.15. S. 282–301.
6. Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford, 1968.
7. Mendels D. Polybius and the Constitution of the Achaian League: a Note // Scripta classica israelica. 1979/1980. V. 5. P. 85–93.
8. Walbank F.W. The Hellenistic World. Brighton, 1981.
9. Scholz P. Demokratie in hellenistischer Zeit im Licht der literarischen Überlieferung // "Demokratie" im Hellenismus: von der Herrschaft des Volkes zur Herrschaft der Honoratioren? Hrsg. von Chr. Mann, P. Scholz. Mainz, 2012. S. 28–55.
10. Grieb V. Polybios' Wahre Demokratie und die *politeia* von Poleis und Koina in den Historien //

Polybios und seine Historien. Hrsg. von V. Grieb, C. Koehn. Stuttgart, 2013. S. 183–218.

11. O'Neil J. L. The Political Elite of the Achaian and Aitolian leagues // *Ancient Society*. 1984/6. V. 15/17. P. 33–61.

12. Shipley G. (with Hansen M.H.) The *Polis* and Federalism // *The Cambridge Companion to the Hellenistic World*. Ed. by G. R. Bugh. Cambridge, 2006. 52–72.

13. Feyel M. Polybe et l'histoire de Béotie au III siècle av. notre ère. Paris, 1942.

14. Walbank F. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.

15. Gauthier P. Les cités grecques et leurs bien-faiteurs. Paris, 1985.

16. Rizakis A.D. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes, 2008.

17. Reichel W., Wilhelm A. Das Heiligthum der Artemis zu Lusoi // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*. 1901. Bd 4. S. 1–89.

18. Plassart A., Blum G. Orchomène d'Arcadie. Fouilles de 1913. Inscriptions // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1914. V. 38. P. 447–478.

19. Luraghi N. The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008.

20. Liddel P. The Decree Cultures of the Ancient Megarid // *Classical Quarterly*. 2009. V. 59. P. 411–436.

21. Bingen J. Inscriptions d'Achaïe // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1954. V. 78. P. 74–88, 395–409.

22. Thür G., Stumpf G. Sechs Todesurteile und zwei plattierte Hemidrachmen aus Dyme // *Tyche*. 1989. Bd. 4. S. 171–183.

23. Rizakis A.D. La *politeia* dans les cités de la confédération achéenne // *Tyche*. 1990. Bd. 5. P. 109–134.

24. Gauthier P. Les cités hellénistiques // *The Ancient Greek City-State*. Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 211–231.

25. Rhodes P. J., Lewis D. M. Decrees of the Greek States. New York, 1997.

26. Wiemer H.-U. Hellenistic Cities: The End of Greek Democracy? // *A Companion to Ancient Greek Government*. Ed. by H. Beck. Malden, 2013. P. 54–70.

27. Сизов С.К. О составе участников регулярных союзных собраний (синодов) в Ахейской федерации во II веке до н.э. // *Вестник древней истории*. 2016. №1. С. 63–84.

28. Briscoe J. A Commentary on Livy, Books XXXI–XXXIII. Oxford, 1973.

29. Сизов С.К. Существовал ли союзный совет в Ахейской федерации во времена Полибия? // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 3. С. 107–114.

30. Sizov S. The *συναρχία* in the Achaian federation and its member cities // *Tyche*. 2017. Bd. 32. P. 225–234.

31. Walbank F. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979.

THE POPULAR ASSEMBLY IN THE POLEIS OF THE ACHAIAN KOINON IN THE 3RD AND 2ND CENTURIES BCE

S.K. Sizov

The fragmentary information contained mainly in the epigraphic documents convincingly demonstrates that the popular assembly in the *poleis* of the Achaian *koinon* continued to remain the supreme authority, as it did in the Classical period. Its competence included the resolution of all major issues of the community's internal life; some problems of foreign policy were also discussed in the assembly meetings. There is no ground to believe, as some scholars do, that the participation of ordinary citizens in the assembly was limited by a property qualification, and that democratic decision-making procedures were distorted in favor of the wealthy elite.

Keywords: polis, Achaian koinon, popular assembly, epigraphy, Peloponnese, Hellenism.

References

1. Vasil'evskij V.G. Politicheskaya reforma i social'noe dvizhenie v drevnej Grecii v period ee upadka. SPb., 1869.

2. Mishchenko F.G. Federativnaya Ehllada i Polibij // *Polibij. Vseobshchaya istoriya*. Per. s grech. F.G. Mishchenko. T. 1. M., 1890. S. I–CCXLIII.

3. Niccolini G. La confederazione Achea. Pavia, 1914.

4. Aymard A. Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux, 1938.

5. Welwei K.-W. Demokratie und Masse bei Polybios // *Historia*. 1966. Bd.15. S. 282–301.

6. Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford, 1968.

7. Mendels D. Polybius and the Constitution of the Achaian League: a Note // *Scripta classica israelica*. 1979/1980. V. 5. P. 85–93.

8. Walbank F.W. The Hellenistic World. Brighton, 1981.

9. Scholz P. Demokratie in hellenistischer Zeit im Licht der literarischen Überlieferung // "Demokratie" im Hellenismus: von der Herrschaft des Volkes zur Herrschaft der Honoratioren? Hrsg. von Chr. Mann, P. Scholz. Mainz, 2012. S. 28–55.

10. Grieb V. Polybios' Wahre Demokratie und die *politeia* von Poleis und Koina in den Historien // *Polybios und seine Historien*. Hrsg. von V. Grieb, C. Koehn. Stuttgart, 2013. S. 183–218.

11. O'Neil J. L. The Political Elite of the Achaian and Aitolian leagues // *Ancient Society*. 1984/6. V. 15/17. P. 33–61.

12. Shipley G. (with Hansen M.H.) The *Polis* and Federalism // *The Cambridge Companion to the Hellenistic World*. Ed. by G. R. Bugh. Cambridge, 2006. 52–72.

13. Feyel M. Polybe et l'histoire de Béotie au III siècle av. notre ère. Paris, 1942.

14. Walbank F. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.

15. Gauthier P. Les cités grecques et leurs bien-faiteurs. Paris, 1985.

16. Rizakis A.D. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes, 2008.
17. Reichel W., Wilhelm A. Das Heiligthum der Artemis zu Lusoi // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. 1901. Bd 4. S. 1–89.
18. Plassart A., Blum G. Orchomène d'Arcadie. Fouilles de 1913. Inscriptions // Bulletin de correspondance hellénique. 1914. V. 38. P. 447–478.
19. Luraghi N. The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008.
20. Liddel P. The Decree Cultures of the Ancient Megarid // Classical Quarterly. 2009. V. 59. P. 411–436.
21. Bingen J. Inscriptions d'Achaïe // Bulletin de correspondance hellénique. 1954. V. 78. P. 74–88, 395–409.
22. Thür G., Stumpf G. Sechs Todesurteile uns zwei plattierte Hemdrachmen aus Dyme // Tyche. 1989. Bd. 4. S. 171–183.
23. Rizakis A.D. La *politeia* dans les cités de la confédération achéenne // Tyche. 1990. Bd. 5. P. 109–134.
24. Gauthier P. Les cités hellénistiques // The Ancient Greek City-State. Ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 211–231.
25. Rhodes P. J., Lewis D. M. Decrees of the Greek States. New York, 1997.
26. Wiemer H.-U. Hellenistic Cities: The End of Greek Democracy? // A Companion to Ancient Greek Government. Ed. by H. Beck. Malden, 2013. P. 54–70.
27. Sizov S.K. O sostave uchastnikov reguljarnyh soyuznyh sobranij (sinodov) v Ahejskoj federacii vo II veke do n.eh. // Vestnik drevnej istorii. 2016. №1. S. 63–84.
28. Briscoe J. A Commentary on Livy, Books XXXI–XXXIII. Oxford, 1973.
29. Sizov S.K. Sushchestvoval li soyuznyj sovet v Ahejskoj federacii vo vremena Polibiya? // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 3. S. 107–114.
30. Sizov S. The *συναρχία* in the Achaian federation and its member cities // Tyche. 2017. Bd. 32. P. 225–234.
31. Walbank F. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford, 1979.